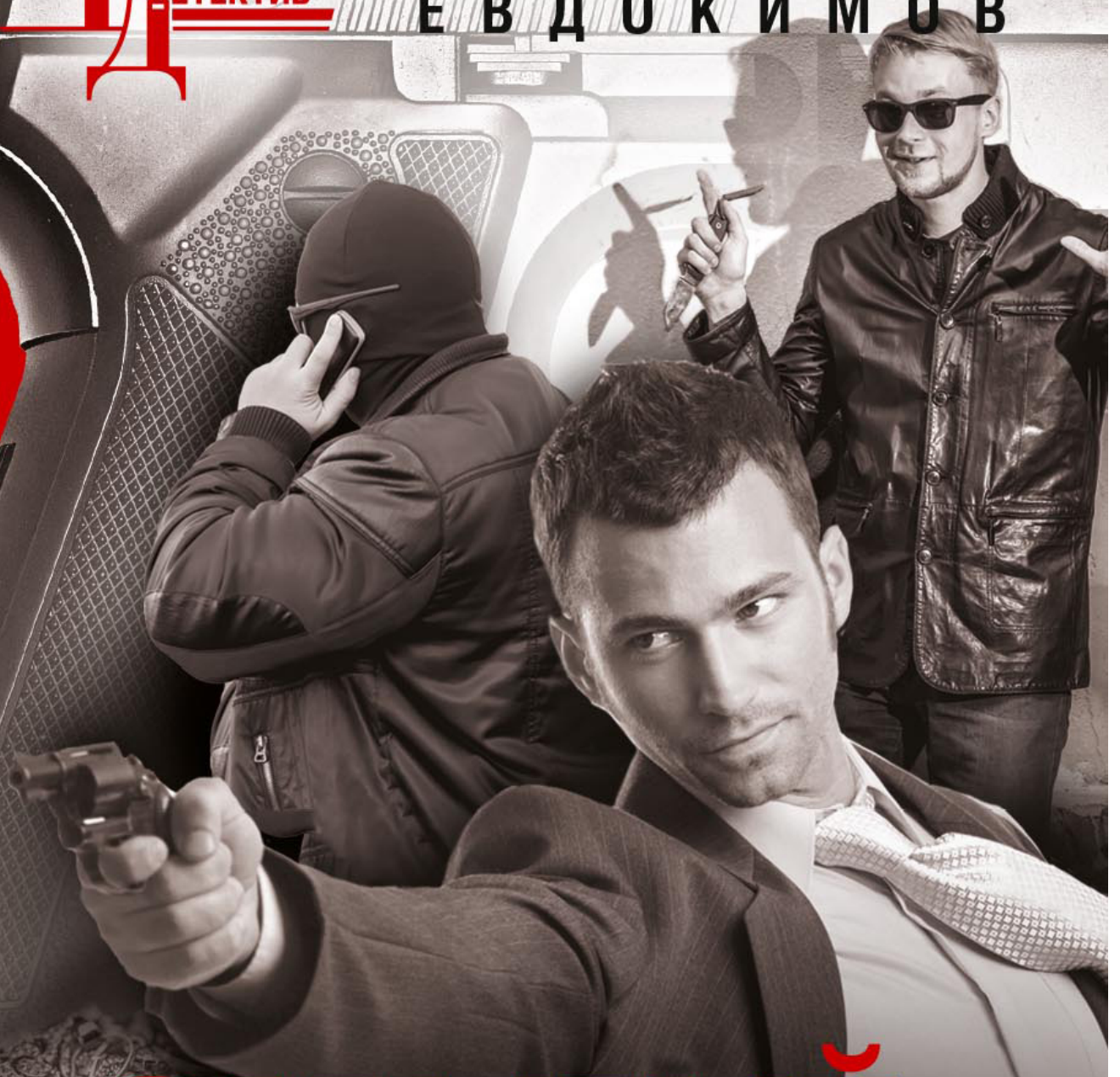

Д
РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

В Л А Д И М И Р
Е В Д О К И М О В

**ЗАБЫТЫЙ
БЕРЕГ**

Русский детектив

Владимир Евдокимов

Забытый берег

«Центрполиграф»

2021

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Евдокимов В. И.

Забытый берег / В. И. Евдокимов — «Центрполиграф»,
2021 — (Русский детектив)

ISBN 978-5-227-09174-1

Вячеслав Петрович Аксёнов, уважаемый москвич, успешный учёный, благополучный семьянин, внезапно получает «привет» из прошлого. Четверть века назад, летом 1992 года, во времена суматошные и пропитанные запахом авантюризма, он вместе с ещё тремя бывшими однокурсниками получает неожиданное наследство от институтского профессора: бумаги, указывающие местонахождение клада, зарытого в послереволюционные годы богатым волжским купцом. Трое, Аксёнов и два его товарища, сговариваются втайне от четвёртого отправиться на поиски клада. Спустя 25 лет жив лишь Аксёнов, уже забывший обо всех обстоятельствах той поездки, не задумывавшийся о том, почему именно их четвёрку выбрал профессор Богданов, и даже не предполагавший, что вновь окажется на Волге, что за всё придётся отвечать.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09174-1

© Евдокимов В. И., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Евдокимов

Забывтый берег

Глава 1

Зелёная папка

1

Это был последний день безмятежной жизни, к которой я привык. А о том, что она может закончиться, даже не задумывался. Я ведь считал себя умным, а оказалось, что для обладания этим качеством мне не хватало чего-то важного. Того, о чём я и не догадывался.

...В аудитории продолжался банкет: поздравляли с успешной защитой докторской диссертации моего друга Лёню Попова. Гости за длинным столом уже разделились на группы, в каждой смеялись и разговаривали о чём-то своём. Объединило всех не столько праздничное, сколько насущное появление кастрюли с горячим. Женщины принялись раскладывать картошку по пластиковым тарелочкам, добавляя в каждую по куску отварной курицы. Возобновилось оживление, и провозгласили очередной тост. В этот момент меня отвлекли и, кивая, заставили оглянуться на дверь.

Я был пьян, хмельное тепло грело душу, и она, как пушинка, стремилась ввысь. Прекрасная минута! А из двери робко выглядывал темноволосый человек лет тридцати пяти, крепкий, коротко стриженный, в пёстром свитере под горло, и кого-то растерянно высматривал. На правом его плече висела сумка, левой рукой он прижимал к себе зелёную картонную папку.

Зенин... Зинин... Зиновьев? Я поднялся и на слегка затёкших ногах отправился к двери. Говорил же ему – принести, когда начнётся защита! Или мог перед ней это сделать. Или хотя бы перед банкетом...

– Извините, Вячеслав Петрович... – начал он. Не сдержавшись, я упрекнул его, хотя мог бы что-то и почувствовать. Но ничто не нарушило безмятежной радости. Ничто!

– Понимаю, но кадры задержали. Я – Зенков Владимир. Я вам звонил по поводу статьи. Я принёс.

– Ладно, – я вздохнул, – давайте! Позвоните через недельку.

И я протянул Зенкову визитную карточку. Тот уважительно её взял и так, с карточкой в руке и пятясь, вышел из комнаты в коридор. Не понимал я Зенкова: кадры его задержали... Какие кадры?

На столе в углу среди многих сумок я разыскал свою и раздражённо сунул внутрь папку. Выглядела она нелепо: потрёпанная, завязки скрученные, перечёркнутая надпись «Перевозка труб» и приклеенная скотчем узенькая полоска белой бумаги с надписью от руки «Зенков В. Н.». Что стоило вставить статью в пластиковый уголок или хотя бы в банальный файл?

Мельком вспомнился разговор с Зенковым. Он дозвонился в лабораторию, представился инженером, у которого есть статья, но он не знает, что сочинил: экология, транспортные средства... А вы, дескать, в этой области специалист! Он читал мою монографию – знакомые из МИИГАиК давали. При чём здесь МИИГАиК? А при том, что по соседству, в Академии землеустройства, защищался Попов! И я машинально назначил принести статью туда, на защиту. Зенков направил мою мысль в нужное ему русло, и мысль послушно поплыла в заданном направлении. Досадно!

Но мой стаканчик уже кто-то наполнил коньяком, и стало приятно, что люди помнят, что я пью только коньяк. И забылся Зенков с его почтительностью – в конце концов, продолжался банкет по приятному поводу, вокруг были знакомые лица, люди одного круга, одного образа жизни, одной системы координат.

– Я хочу сказать тост! – Голос мой получился резким. – Любой банкет проходит по регламенту. Сначала выпить и закусить – это кандидатская диссертация. Потом наступает время горячего. Как, например, вот эта картошка с курочкой. Это докторская. Впереди чай. Густой, свежесваренный, с вареньем, пирожками, конфетами. Это, так сказать, академическое будущее, венец научной деятельности. Так выпьем же за то, чтобы докторское горячее на столе Леонида Попова с неизбежностью сменилось академическим чаем! Тост понравился. Я пробрался к Попову, чтобы сказать ему добрые слова и ещё раз поздравить лично. Он уже пил чай и шумно отдувался, словно в знак того, что диссертация требует сосредоточенности и сильного напряжения. Что тут скажешь – я докторскую защищал шесть лет назад, знаю.

– Как, возвращаешься в реальность? – спросил я.

– После защиты диссертации устраивай банкет, – заученно отозвался Попов священным академическим постулатом.

– Ничего, утром будешь как огурчик.

– Огурчик... – повторил Попов, чему-то обрадовался и, нелепо хрюкнув, хохотнул.

Поговорив с ним, я удалился по-английски: незаметно вышел из аудитории и через толпу гомонящих студентов добрался до раздевалки. Там аккуратно оделся и вышел на февральский морозец.

В голове всё ещё шумел банкет. Калейдоскоп лиц, звуков, запахов ещё бодрил, куда-то звал, но путь уже оставался один – домой, на Рязанский проспект. Я был пьяный, усталый, меня ждали дом и семья, рабочий день завершён!

Ничего я не предчувствовал, а превратился в самолёт, летящий на автопилоте. Сначала я летел вдоль Нижнего Сусального переулка, затем нырнул в ледяной туннель метро станции «Курская». А там автопилот дал сбой: вместо поездки по Кольцевой до «Таганской» и дальше, после пересадки, до «Рязанского проспекта» – я спустился на «Чкаловскую», но до «Крестьянской заставы» не доехал, а вышел на «Римской». Здесь моё хмельное сознание преобразило меня в космонавта, и я уверенно сменил орбиту, перейдя на «Площадь Ильича».

Соображение отсутствовало, в голове свистела пустота... С грохотом долетев в «ракету» до «Шоссе Энтузиастов», я наконец опомнился и отправился назад, но заснул, стоя в невесомости.

Очнулся я оттого, что поезд стоял на «Третьяковской». И тогда я, заметно покачиваясь, – кое-кто даже оглянулся, – вышел в космическое пространство, по кривой траектории перешёл на Калужско-Рижскую линию, добрался до «Китай-города» и лишь тогда, ошав от происходящего, полетел-таки в правильную сторону «Выхино». Теперь я уже не спал, а терпеливо считал остановки, а сидящий рядом парень бубнил соседу:

– ...проехал на трамвае три остановки и нарвался на контролёров. Он упал и притворился пьяным. Думал, что не станут трогать. А на остановке вошли четверо курсантов и по просьбе контролёров и пассажиров выбросили его в снег. Он подождал, пока трамвай уедет, поднялся, поскользнулся, упал и сломал руку. Где тут логика?

– Логика есть, – басом ответил ему сосед. – Был бы пьяный – обошлось.

– А он разоряется о произволе контролёров. И при чём здесь мы?

– Нам придётся проявить солидарность.

– С кем?

Вслушиваясь в странную беседу, я... снова проехал свою остановку и оказался на конечной! Пришлось выходить на площадь и входить в метро заново. Только на «Рязанском проспекте» я всё сделал правильно: вышел из метро и, радуясь морозцу и снегу, дворами добежал

до своего подъезда. Путешествие закончилось, я позвонил по мобильнику жене Ирине, попросил спуститься и вместе подышать. Мне был нужен горячий чай, свежий воздух и надёжный человек рядом.

Какой же это был чудесный вечер! Какой воздух, какой лёгкий снежок кружился вокруг голых деревьев, как тепло горел фонарь у подъезда!

Того, что я был на краю и почти уже падал, я совершенно не чувствовал. Я втягивал носом морозный воздух и наивно радовался жизни.

2

Сначала из подъезда выбежала старая Рената и бросилась мне на грудь. Ирландский сеттер, любимица семьи...

– А папка пьяный, – гнусаво сообщил я, – папка коньяк пил!

Потом явилась моя Ирина Васильевна – в прогулочной шубейке, с большим дымящимся бокалом чаю. И я умилился! А кто бы не умилился?! Так бывало неоднократно, и это, я думаю, счастье, если тебя, пьяного и глупого, встречают не пустыми словами, а горячим чаем.

– Ирочка, ласточка ты моя...

Рената, изучая следы в сером снегу, убежала на детскую площадку. Мы отправились следом.

– Пей чай, котик, – смеялась Ирина, – приходи в себя от научно-алкогольной нагрузки! Можешь икать, хлюпать и сопеть! Я позволяю.

Я нежно поцеловал Ирину, взял бокал и стал с опаской и жадностью мелкими, частыми глотками пить чай. И отступила икота, и легче стало дышать.

– А Оленька выйдет?

– Нет. Папка же вина напился, она стесняется...

– Не забуду мать родную и отца-бухарика! А что делать-то, Ирочка, с волками жить – по-волчьи выть!

– Побурчал?

Как же это хорошо – вернуться домой! Можно быть глупым и беззаботным!

– А ты женщинами на банкете восхищался?

– Восхищался.

– Мужикам на женские зады подмигивал?

– Подмигивал.

– Масло на хлеб намазывал потолще? Остро не ел, а горячее ел?

– Да.

– Что «да»?

– Остро не ел, а горячее ел. Там были курочки, их сварили дурочки.

– Котик, ты сам такую рифму придумал?

– В книжке прочитал.

От смущения я глупо хлюпнул носом.

– Молодец, ты всё делал правильно!

Морозец щипал за щёки, лез потихоньку за шиворот, лёгкий такой морозец, а пахло так, будто от реки подползал туман.

Настоявшись и наговорившись, к великой радости Ренаты, чинно обошли вокруг дома – длинного восьмиподъездного дредноута, мощно плывущего на юго-восток, навстречу огням станции метро. По Рязанскому проспекту двигался поток автомобилей, гудящий ровно и неотвратно. Наступил вечер, подмосковные жители возвращались домой, а богатые москвичи, устав от хлопот, плыли в этом потоке в загородные резиденции. Завтра, в пятницу, поток превратится в эвакуацию.

3

Среди прочих была у меня одна странная привычка: трезвея после обильных возлияний, я любил... гладить. Потому что это медитативное занятие возвращало в хмельную затуманенную голову здравые мысли. Я гладил рубашку и, смиренно сосредотачиваясь на тщательности исполнения мирного домашнего дела, подводил итоги дня. И напевал, подражая грассирующему голосу Александра Вертинского. Почему нет, ведь я был дома, а дома можно всё!

В бананово-лимонном Сингапу-уре, в бурю,
Когда ревет и плачет океа-а-н-н...
И тонет в ослепительной лазу-ури
Птиц да-альних к'ра-а-ван-н-н...

На это доброе и пьяное пение приплыла моя Оленька, курносая четырнадцатилетняя русалка в байковом халатике. Пожалела, повздыхала, а потом вдруг спросила:

– Пап, а ты знаешь, что такое матуликать?

– Откуда ж!

– Это значит – куликать носом, как пьяный. – Она хихикнула.

– Прямо про меня! Это ты в словаре, что ли, прочла?

– Уй, там такие слова интересные!

– Тогда найди мне слово «пьяндылка». Но имей в виду, что твой папа такой только по службе. А то уволят. Видишь, как я стараюсь, как выхожу из алкогольного опьянения?!

Я говорил и радовался первой своей мысли: я молодец! Ведь это я подарил дочке словарь Даля, и она отвлеклась от компьютера.

Уснул я рано. И, как в таких случаях привык, обессиленно дал Ирине уложить себя на диван в кабинете, провалившись в тёплый сон.

И проснулся посреди ночи пить чай – тоже как обычно. На кухне оставалось зажечь конфорку под чайником да залить потом кипятком в чашку с пакетиком чая внутри – Ирина приготовила. Я полюбовался на огонь и захотел раскурить трубку.

И вот именно тогда, когда я достал из буфета картонную коробку с трубкой, табаком и несколькими пачками разных сигарет, когда неожиданно решил всё же выкурить сигарету, когда вынул её из пачки, размял, ухватил небрежно губами, – я с неприязнью вспомнил о робкой фигуре Зенкова, о зелёной папке с кручёными тесёмками... и отложил сигарету. Пришла в голову простая мысль: ведь я ждал Зенкова, знал, что он придёт, и тем не менее случилось это неожиданно. Что-то там было ещё! Ведь я бы забыл, конечно, про папку Зенкова, если бы он передал её перед защитой Попова или перед банкетом. Открыл бы, посмотрел, что за статья, есть ли рисунки, фотографии, таблицы... Мне довольно беглого взгляда, чтобы ухватить основное. А Зенков принёс папку в неподходящий момент и сделал это нарочно. Поэтому того, что было в папке, я не увидел: не лезть же в неё во время банкета, да ещё тесёмки развязывать...

Какого чёрта?

Я решительно принёс из кабинета злополучную папку, чтобы пробежать глазами опус этого инженера.

– Шаромыга! Инженер! Кадры у него!.. – так я шёпотом бурчал на кухне.

Когда я раскрыл папку, то невольно вскрикнул: до того всё получилось нелепо и мерзко, до того дико, что зазвенело в ушах! Я застонал от безотчётного и какого-то пещерного страха. Кровь прихлынула к лицу, по щекам покатались слёзы. Это что?!

– Как же это... это... это же всё!

Стало страстно и безумно жаль себя! Минуту назад всё ещё шло по обычному порядку: утренний подъём, чаепитие, любимые лица... После обеда заехать в лабораторию, потолкаться и опять домой.

Но сейчас... к лицу прилила кровь, и меня прошиб пот. Несколько капель упали на стол. Ведь получается, что это мне за что-то дано, так, что ли? За то, что я сделал, или за то, чего не сделал?

Чайник хрипло засвистел, я дёрнулся всем телом, вскочил, выключил конфорку. Постоял у плиты. Налил кипятку в чашку. Остатки хмеля улетучились, осталось ватное ощущение похмельной усталости. Руки дрожали. Я сполоснул лицо холодной водой из-под крана, вытер его полотенцем. Потом вытащил из папки стопку листов, схваченных в левом верхнем углу скрепкой. Она была тонкой, но страшно тяжёлой. Она дрожала у меня в руках, эта тяжёлая стопка отличной белой бумаги. На первом листе чётко пропечатался титул. Он был хорошей ксерокопией с очень плохой, серенькой копии со старого оригинала. Такие делали очень давно, на агрегатах, которые назывались, по-моему, РЭМ. Копии на них получались рыжего оттенка, и назывались рижовками. Выполнялись они на рыхлой, плохо обрезанной бумаге. На копии виднелся неупорядоченный край, пятнышки, разводы... И на первой странице машинописью было напечатано вот что:

ОТЧЁТ

о научно-исследовательской работе на тему:

ПРОВЕСТИ АНАЛИЗ ИСХОДНОЙ ЗАПИСКИ И ОПРЕДЕЛИТЬ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КЛАДА

Руководитель НИР и отв. исполнитель
профессор, д. т. н.
(подпись) *А. А. Богданов*
Москва 1987

Именно этот отчёт я держал в руках четверть века назад, в июле девяносто второго года. Я пролистал его тогда, передал Латалину. А тот вздохнул и раскрывшуюся веером стопку листов бросил в костёр. Она разгоралась медленно, я отвлёкся – смотрел на яркую под высоким солнцем Волгу, любовался на «Ракету», уверенно скользящую по воде, а когда перевёл взгляд на огонь, листы бумаги уже весело горели. И я заворожённо глядел на прозрачный костёр, не подозревая о том, что через много лет отчёт Богданова возродится из пепла и тяжкой кувалдой памяти разобьёт мою безмятежность на мелкие куски.

Медленно переворачивая листы, я узнавал знакомые слова, обороты речи, названия, цифры. Всего-то несколько страниц!

Это я не Зенкову дал неделю ожидания, а себе.

Андрей Андреевич Богданов умер в апреле девяносто второго года на станции метро «Каширская». Там на платформе установлены капитальные скамьи. На одной из них он, мёрт-

вый, и сидел, пока кто-то из пассажиров не вызвал милицию. О похоронах я услышал случайно, приехал, многое узнал.

После смерти жены Богданов получил очередной инфаркт и лежал дома. Кафедра выделяла дежурных, которые приходили ухаживать. Потихоньку Андрея Андреевича подняли, да это стал уже другой человек. Странно – и это особенно отмечали на поминках кафедральные женщины, – на «Каширской» при нём были: паспорт, в паспорте телефон кафедры, а в портфеле – чистое бельё, тапочки, кусок мыла и флакон одеколона. Получалось, что он смерти ожидал и был к ней готов. Умереть он, видимо, не боялся – просто не хотел внезапно и бесследно сгинуть, потому и старался бывать на людях. Вот и выбрал себе путешествия в метро, и, наверное, весной девяносто второго года он много километров проехал под землёй: толпа людей вокруг, а он один, и жизнь неотвратимо заканчивается.

Богданов нас учил. Мы его ценили за особенное состояние души – он ведь воевал, Берлин брал. Вдобавок на нашем курсе училась его дочь Лена.

Через месяц после похорон неожиданно объявился Павел Виноградов и собрал вместе Виктора Латалина, Сашу Конева и меня. На Гоголевском бульваре. Виделись мы после окончания института по разным поводам. Паша одно время у Конева работал в лаборатории – талантливый Конев стремительно шёл в гору, пока не начал пить. Латалин денег искал, а я сначала в армии служил, а потом в науку прорывался. Мы сидели на скамье недалеко от станции метро «Кропоткинская», а Конев стоял перед нами. В его сумке лежали две бутылки водки и три книжки: «Непроторёнными путями» Мурзаева, «Блеск и нищета куртизанок» Бальзака и Атеистический словарь.

– Читаешь запоем? – мрачно сострил Виноградов.

– Очень мудрое повествование о человеческих отношениях. И захватывающее чтение! – глубокомысленно закурив, ответил Конев, неясно какую из книг имея в виду. – Давайте выпьем?

Без толку поговорили и разошлись, а собрались уже без Конева, через неделю. В прохладном фойе Центрального дома художника на Крымском Валу сидели на мягких диванах под парадной лестницей, растерянно поглядывая вокруг. Чего-то нам хотелось отличного от того помешательства, которое воцарилось в стране: куклы, маски, клоуны и нескончаемое веселье кругом сводили с ума. И Виноградов подарил идею – ехать на Волгу ловить рыбу. В июле! Успеем подготовиться. Мы с Виктором согласились. А почему нет? Тем более что вокруг цвела глупая весна девяносто второго года, свободная от всего, в том числе от работы и зарплаты.

Павел раскрыл туристскую маршрутную схему «Москва – Астрахань – Ростов-на-Дону» и показал место: Казань, какие-то Бережки, Гремячево, острова...

– Сделаем тайную вылазку. Скажем, что уехали в командировку, а сами наловим лещей и судаков! Навялим и будем зимой есть, авось без голодухи проживём! Идёт? – Павел потёр ладонями лицо и, улыбнувшись, пропел: – Шик, блеск, тру-ля-ля!

Почему Виноградов собрал именно нас – было невдомёк. Даже решение пригласить сначала и Конева, хотя о его алкоголизме уже было известно, не удивило. Впрочем, после второго января девяносто второго года такое наступило время, что никто ничему не удивлялся. Карнавал, балаган, чума – как ни назови, а всё правильно. А тут – определялись сроки, расписывались обязанности и нечто важное входило в жизнь каждого. И я, без пяти минут кандидат наук, не знавший, что делать потом с этим кандидатством, пристроился к делу и был рад.

Умничая, мы даже назвали путешествие за рыбой проектом – как раз тогда в моду вошли такие многообещающие и расплывчатые слова.

5

Вспышка страха прошла – чего ж теперь бояться? Было и было, беда-то в другом: сказать об этом никому нельзя. Вот в чём дело! Другьям? Нет. Латалину? Он давно исчез. Остальные... Ирине? Невозможно. Ни в коем случае нельзя! Боже упаси!

На кухню, закутавшись в одеяло, вдруг явилась Оленька и села на табурет. Сонное нежное её лицо было наивным.

– Ты уже трезвый?

– Почти. А ты лучше спать иди, а то школу проспишь.

– А что это за папка?

– Один дядя статью написал. Хочет напечатать.

– Пап, а ты знаешь, что такое свет?

– Что?..

– Свет – это состояние, противное тьме! Здорово?

– В точку! Иди!

– А почему этой зимой больше снега, чем в прошлом году? И часто выпадал...

Оленька ушла, я опять остался один. На кухне горел свет, а кругом была тьма.

«Если есть на свете счастье, – думал я, – вот оно. Ночь, за окном зима, на кухне тепло, дочка говорит глупости – чего ж ещё? А чтобы оно не заканчивалось, чтобы оно длилось...»

Курить я не стал – открыл створку окна и вдыхал свежий зимний воздух. Во дворе стояла ночная тишина, и на кухне не слышалось звуков, кроме мерного пошлёпывания – ш-лёт, ш-лёт, ш-лёт... Это отсчитывали время кварцевые часы на стене.

Чего же хочет этот Зенков?

Я прикрыл окно, осторожно освободил стопку бумаг от скрепки, положил её перед собой и стал читать. Я читал отчёт так, как будто видел его в первый раз.

Глава 2

Отчёт о НИР

Я читал медленно, едва не по слогам. Читал и с удивлением узнавал слова, названия и даже знаки препинания. Даже не узнавал, а, получается, знал весь текст, хотя прошло много лет!

ОТЧЁТ

о научно-исследовательской работе на тему:

ПРОВЕСТИ АНАЛИЗ ИСХОДНОЙ ЗАПИСКИ И ОПРЕДЕЛИТЬ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КЛАДА

Руководитель НИР и отв. исполнитель
профессор, д. т. н.
(подпись) *А. А. Богданов*
Москва 1987

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	Исходная Записка
	Комментарий
Этап 1	
	Комментарии
Этап 2	
	Комментарий
Этап 3	
	Комментарий
Этап 4	
	Комментарии
Этап 5	
	Заключение
	Приложение

ВВЕДЕНИЕ

В силу отсутствия достоверных пространственно-временных координат «Исходной записки» и с учётом закрытости информации, её анализ мог быть осуществлён только при работе одного исследователя, но в течение длительного времени. Итоги подтвердили правильность выбора метода, фактор времени оказался решающим.

Настоящий отчёт отражает этапы исследований. Текст НИР представляет собой сообщения о проведённых работах. Изложение ведётся в хронологическом порядке. Даты означают день окончательной редакции записки.

ИСХОДНАЯ ЗАПИСКА

ВОЛГА, ГРЕМЯЧЕВО, ЭТО МНОГО ДЕНЕГ, ОВРАГИ, ТЕДОР (ТЕОДОР?), ПОСЛЕ ДВУХ БРАТЬЕВ И ЕЩЁ ОДИН, КАУ-ГАУ, ЛАТИНСКАЯ Ф, ТОЧНОГО МЕСТА НЕТ, (ВО)СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД, ПРОМЕЖНОСТЬ, БЕРЁЗКА, НА ЮГ ОТ ТРУБЫ СТЕКОЛЬНОГО ЗАВОДА

Комментарий

Местоположение. ВОЛГА, ГРЕМЯЧЕВО, НА ЮГ ОТ ТРУБЫ СТЕКОЛЬНОГО ЗАВОДА, ОВРАГИ, БЕРЁЗКА, ТОЧНОГО МЕСТА НЕТ.

Время захоронения. (ВО)СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД.

Участники захоронения. ТЕДОР (ТЕОДОР?), ПОСЛЕ ДВУХ БРАТЬЕВ И ЕЩЁ ОДИН.

Характеристика клада. ЭТО МНОГО ДЕНЕГ.

Непонятная информация. ЛАТИНСКАЯ Ф, ПРОМЕЖНОСТЬ, КАУ-ГАУ.

12 января 1978 г.

ЭТАП 1

Работы проводились в мае 1978 года. Цель – рекогносцировочное обследование территории предполагаемого расположения клада.

Город Гремячево находится на левом, низком берегу Волги. Есть пристань (дебаркадер), автобусное сообщение с Казанью и Йошкар-Олой. Город окружают сосновые леса на песчаных дюнах. Застройка – частная (как правило, деревянные дома) и пятиэтажные дома из силикатного кирпича.

В северо-западной части Гремячево расположен судостроительный завод, на котором работает большая часть населения города. В юго-восточной – радиоламповый завод. Есть: гостиница, базар, ресторан, Дом культуры, магазины, школа, речной техникум.

Стекольный завод в Гремячево существовал до революции, но сгорел. Труба простояла до первых послевоенных лет. Завод располагался в юго-восточной части города. Строгое направление на юг из этого района указывает на противоположный, горный берег Волги.

Ширина Волги в районе Гремячево составляет примерно 2,5 км. Горы правого берега высокие, до 100 м, заросли лесом, труднопроходимы из-за крутизны и многочисленных оползней. Склоны пересекают несколько больших оврагов глубиной 20–50 м. Они выходят на равнину и тянутся по ней на 200–300 м, скрыты лесопосадками, за которыми начинается пашня.

Вдоль правого берега тянутся ПОЛЗУНОВСКИЕ острова, заросшие кустарником. Обращают на себя внимание вверх по течению два больших холма у подножия склона. Это древние оползни, их местное название – ДВА БРАТА. Ближайший населённый пункт на правом берегу от остановочного пункта Ширван – вниз по Волге большая деревня Кривоносово с пристанью (брандвахта).

Таким образом, примерное месторасположение клада – это правый, горный берег Волги, трёхкилометровый отрезок от нижнего оползня Двух Братьев до перехода «зоны оврагов» в мыс, за которым расположено Кривоносово. Возможно, БЕРЁЗА была посажена на месте захоронения клада, но как ориентир исключается.

2 июня 1978 г.

Комментарий 1

После завершения строительства и открытия в 1958 году Волжской ГЭС им. В. И. Ленина в районе Гремячево находится зона выклинивания подпора Куйбышевского водохранилища. В 1917–1918 годах уровень воды в Волге в межень был ниже нынешнего на 8,0 м и Ползуновские острова были берегом Волги. На них располагалась деревня Ширван. Лесопосадки появились в конце 1950-х годов.

Захоронщик клада должен был отлично знать местность, обладать ценностями для захоронения и уметь выбрать такое место, в котором его никто не застанет во время захоронения и в котором никто не будет впоследствии производить земляных работ.

В Гремячево недостаток был связан с Гремячевским затоном и речным флотом: ремонтом и впоследствии строительством судов.

Освоение затоны началось в 1860 году пароходным обществом «Дружина». В 1890 году здесь был уже механический завод, выпускавший пароходы. В 1907 году общество «Дружина» своё имущество в затоны продало некоему Э. К. Тадеру. Его трёхлетнее владение завершилось в 1910 году пожаром, во время которого завод сгорел. Тадера обвинили в том, что он тайно вывез и распродал новейшее оборудование, после чего организовал поджог завода с целью получения крупной страховки. Доказать обвинение не удалось, и страховку Тадер получил.

Таким образом, единственный случай обогащения частного лица, связанного с Гремячевским затоном, – получение страховки Э. К. Тадером плюс выручка, полученная им за тайно распроданное оборудование.

Написание ТЕОДОР в «Исходной записке» следует объяснить невнятностью произношения и постепенным переносом ударения: Тбдер – Тйдер – Тйдор – Тедур – Теодур.

Вывод: вероятный захоронщик клада – Э. К. Талер.

21 ноября 1978 г.

Комментарий 2

«Лоцманская карта р. Волги от Нижнего Новгорода до Камского устья» 1928 года издания (масштаб 1:50 000) показывает нагорную равнину над правым берегом как пашню. В районе расположения оврагов существуют отдельные рощи и кустарники. На левом берегу, в юго-восточной части Гремячево, на окраине леса отмечена ТРУБА СТЕКОЛЬНОГО ЗАВОДА.

17 января 1979 г.

Комментарий 3

Захоронить клад Тадер мог только после Октябрьской революции – ранее в этом не было нужды. Советская власть в Гремячево была мирно установлена в конце ноября 1917 года.

8 июня 1918 года, после успешных операций в Сибири и на Урале, белые взяли Самару и перекрыли Волгу. Затем ими была взята Казань. Августовское наступление Красной армии белые отбили, но в сентябре красные Казань взяли.

Таким образом, после сентября 1918 года никаких надежд на будущее у Тадера не осталось, вероятное время захоронения клада: осень 1918 года.

ЭТАП 2

Цель – обследование зоны оврагов. Работы проводились в начале июля 1982 года. Всего оврагов, начиная от оползня ДВА БРАТА, зафиксировано шесть. Учитывая ограничения, наложенные «запиской», зону оврагов составляют расположенные после нижнего оползня четыре оврага. Очевиден смысл слова ПРОМЕЖНОСТЬ – это промежуток между оврагами.

Территория на правом берегу частично изменена: посадки вырублены, пни выкорчеваны. Неподалеку от пристани Гремячево – временный жилгородок: здесь ведутся работы по прокладке перехода через Волгу магистрального газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород». Нижних оврагов они не затрагивают, природная ситуация сохраняется.

24 июля 1982 г.

Комментарий

Анализ рельефа местности, проведённый по «Плану участка подводного перехода через Волгу магистрального газопровода „Уренгой – Помары – Ужгород“», показал следующее.

Овраг 2 (местное название Долгая Грива) в плане представляет собой систему двух слившихся в один оврагов, если рассматривать её, имея верхом запад. Повторяет рисовку латинской буквы F, где вертикальная и верхняя горизонтальные чёрточки обозначают длинный правый овраг, а нижняя горизонтальная чёрточка – левый овраг. Таким образом, упомянутая в «записке» ЛАТИНСКАЯ F может быть истолкована как овраг 2 в плане. Соответственно этому уточнению клад захоронен в промежутке (ПРОМЕЖНОСТЬ) между правым и левым оврагами оврага 2.

Этот промежуток состоит из наклонной площадки и крутых склонов. Приемлемым местом для дальнейшего поиска может служить только слабонаклонная площадка. Её площадь составляет около 35 тыс. м².

19 ноября 1982 г.

ЭТАП 3

Цель – рекогносцировочное обследование площадки оврага Долгая Грива.

Поверхность площадки наклонена в сторону котловины оврагов, она плоская, укрытая посадками дубков. Расстояние между рядами деревьев – полтора – два метра. Ориентировка рядов: СВ – ЮЗ. Геологическое строение на приемлемую глубину (в бортах оврагов и в траншеях для газопроводов) такое: сначала 0,3–0,4 м слой суглинка, затем – прослой песка и супеси. Таким образом, площадка проходима, деревья дают возможность проводить земляные работы скрытно; без крайних участков площадки площадь расположения клада менее 30 тыс. м²; глубина залегания клада может быть принята от 0,5 до 1,5 м. Итого: на площади 30 тыс. м², на глубине до 1,5 м следует искать некое тело – вместилище клада.

Поиск удобно производить под видом геологов или, предпочтительнее, рыбаков. Удобные места для стоянок: конус выноса оврага Долгая Грива (для кратковременной) и Ползуновские острова (для долговременной). Время – июль – август.

7 июля 1983 г.

Комментарий

Текст «Исходной записки» в развёрнутом виде таков:

НА ПРАВОМ БЕРЕГУ р. ВОЛГИ, НАПРОТИВ ГОРОДА ГРЕМЯЧЕВО НАХОДИТСЯ КЛАД. РАЙОН ЕГО РАСПОЛОЖЕНИЯ – ОБРАГИ, ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ ПО ДВУМ КООРДИНАТАМ: ПЕРВАЯ – НА ЮГ ОТ ТРУБЫ СТЕКОЛЬНОГО ЗАВОДА (БЫВШЕГО) г. ГРЕМЯЧЕВО, ВТОРАЯ – НИЖЕ ПО ТЕЧЕНИЮ р. ВОЛГИ ОТ ОПОЛЗНЕЙ ДВА БРАТА. ТОЧНЕЕ – ЭТО ВОДОСБОР ОБРАГА ДОЛГАЯ ГРИВА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕГО СОБОЙ В ПЛАНЕ ЛАТИНСКУЮ БУКВУ F, А ИМЕННО: ПРОМЕЖУТОК МЕЖДУ ПРАВЫМ И ЛЕВЫМ ОБРАГАМИ. НА МЕСТЕ КЛАДА БЫЛА ПОСАЖЕНА БЕРЁЗКА, БОЛЕЕ ТОЧНО ОНО НЕ ОПРЕДЕЛЕНО. КЛАД ЗАХОРОНЕН Э. К. ТАДЕРОМ В 1918 ГОДУ. В НЁМ МНОГО ДЕНЕГ ИЛИ ИНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ЕГО ОСОБЕННОСТЬ КАУ-ГАУ.

7 июля 1983 г.

ЭТАП 4

Цель: техническое оснащение поисковых операций по уточнению местоположения клада. Работы по этапу 4 осуществлялись в следующей последовательности.

1. Оформление плановой научной темы: «Провести анализ и разработать техническое решение по созданию специального автотранспортного средства для дистанционного определения состояния грунтов на глубинах от 0,0 м до 4,0 м».

2. Разработка темы:

а) анализ состояния вопроса;

б) установление контактов с разработчиками приборов дистанционного определения состояния грунтов;

в) участие в работах, связанных с применением специальных техсредств.

Защита отчёта.

Получение приборной основы.

Доводка приборной основы до требуемого состояния.

Итог.

Наиболее приемлемым по тактико-техническим данным является радиолокатор подповерхностного зондирования грунтов, разработанный в Рижском краснознаменном институте инженеров гражданской авиации им. Ленинского комсомола (РКИИГА).

Недостаток радиолокатора: некомпактность (3 блока и большой вес – 15 кг). Достоинства. По результатам апробирования (Управление геологией Латвийской ССР, Эстмелиопроект, Диксоновская гидробаза и т. д.) радиолокатор даёт хорошие показатели на глубинах до 7,0 м. Рассчитан также для обнаружения карстовых пустот в известняках, определения планово-высотного положения бетонного фундамента и металлических труб. Возможность его модернизации для решения задач настоящей НИР имеется.

Изготовитель, Специализированный опытно-конструкторский институт АН Армянской ССР в Ленинакане (СОКТИ), как возможный поставщик радиолокатора исключается. Производство составляет 20–25 штук в год, приборы распределены на несколько лет вперёд, главные потребители продукции – спецслужбы союзных республик.

6 октября 1985 г.

Комментарий 1

Имеющиеся зарубежные аналоги радиолокатора РКИИГА-СОКТИ (Япония – фирма ОУО и США – фирма GSSJ) позволяют получать принципиально такие же результаты. Однако эстетические их излишества (дизайн, цветная лента самописца и т. д.), большие вес и энергопотребление, а также конструктивные особенности, не поддающиеся модернизации в кустарных условиях, исключают возможность использования этих приборов в настоящей НИР.

18 января 1986 г.

Комментарий 2

Анализ образца приёморегистратора (ПР) радиолокатора РКИИГА-СОКТИ, его принципиальной схемы, а также антенн, полученных для НИР, позволяет прогнозировать после его модернизации вполне приемлемые ТТД.

5 марта 1986 г.

ЭТАП 5

Цель – испытания приведённого к цели НИР радиолокатора.

Испытания проводились в июне 1986 года в Кировской области, в Шебалинском районе, в еловом лесу возле железнодорожной станции Блины. Вмещающим грунтом были пластичные суглинки.

В качестве объектов поиска использовались: деревянные ящики (пустой и заполненный щебнем), обрезок рельса, двухлитровая алюминиевая кастрюля (с уложенными в неё деталями из стали и заполненная щебнем). Объекты помещались на глубину 0,5–0,9 м. Во всех случаях был получен устойчивый звуковой сигнал.

28 июня 1986 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цели, поставленные перед НИР, выполнены.

1. Местоположение клада определено с максимально возможной точностью.

2. Приборное обеспечение для уточнения местоположения клада имеется.

Для организации (в июле – августе) экспедиции в Гремячево необходимо сочетание следующих факторов:

– Общая обстановка в стране должна благоприятствовать возможному использованию ценностей клада.

– Строительные работы на переходе газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород» вестись не должны.

– Возможности членов экспедиции принять в ней участие должны совпасть.

Предполагаемый состав экспедиции:

Аксёнов Вячеслав Петрович

Виноградов Павел Сергеевич

Конев Александр Валентинович

Латалин Виктор Васильевич

ПРОГНОЗ. Происходящие в настоящее время интенсивные перемены в стране предположительно приведут к некоторому определению ситуации через 5—10 лет. Наиболее близкое приемлемое время экспедиции – лето 1992–1994 гг.

5 декабря 1987 г.

* * *

Я читал и восхищался: мне бы так научиться делать дело! Десять лет, упорно, последовательно, шаг за шагом! Богданов, конечно, был другого времени человек и по-другому думал. Но после 1987 года он стал совсем немощным – вот нас и выбрал.

Однако чего-то я всё же не понимал. Не понимал, и всё! Эта история завершилась летом 1992 года, с тех пор прошло страшно сказать сколько лет, она забылась навсегда! Её нет, а она выплыла из небытия! И вернулся страх – дикий, чёрный, изнутри.

Но там было что-то ещё! Что-то такое, о чём я с безысходной мукой думал тогда, на Волге, изнемогал, но так и не додумался. Было! А что?

При чём здесь Зенков?

Глава 3

Разъяснение

1

Утром меня не беспокоили – всё сделала Ирина: и с Ренатой погуляла, и Оленьку в школу собрала. Спал я долго и просыпаться не хотел, да Рената разбудила.

И вот она грелась у батареи, а я сидел за столом. На плите медленно закипал чайник. Зелёная папка лежала на холодильнике. За окном начинался серый день, пятница, февраль.

Весной девяносто третьего года после сумасшедшего романа я женился на учительнице биологии Ирине Васильевне – женщине роскошной, внимательной и по-детски верной. Повезло: она оказалась во всём со мной заодно. Для жизни у нас имелась её двухкомнатная квартирка, которая, после соединения с моей комнатой, оставшейся от развода, превратилась в трёхкомнатную. Пришлось делать ремонт. Вдруг на нашем факультете вспомнили про садовые участки, и мне достались шесть соток. Был сумасшедший год перемен, в середине 1994 года я защитил диссертацию, перешёл на работу из нищего вуза в тонущий научно-исследовательский институт, затих и стал погружаться в никому не нужную науку. Понадобились деньги, и я стал ездить в Грецию за шубами. Увлёкся, но хватило ума остановиться. Я менял жизнь и безмолвно хоронил в закоулках памяти бешеный июль 1992 года. Мысленно я представлял себе глубокое, пронизанное стволами шахт, лестницами и переходами под землёй под тяжёлым зданием бывшего райкома партии на Семёновской площади. Уровней в подzemелье казалось бесконечно много, и, спускаясь ниже, я вдруг оказывался на верхнем, но уже ином, всё приходилось начинать заново. В стороны расходились штреки с глубокими мерзкими нишами. Вот туда, в этот тёмный лабиринт, я долго хоронил: Волгу, плоско сверкающую в утреннем солнце, острова, толстых лещей, костёр, палатку... Там же, но уже в другом углу, размещал овраги, корявые дубки, душный зной, пьянящий запах земли. И уже совсем в дальнее подzemелье, чтобы навсегда забыть, – ночь на День рыбака.

И удалось! Даже сам лабиринт под зданием на Семёновской площади забылся, да и здание давно стало другим... И вот оттуда, из мрака времени, инженером Зенковым явлено то, чего в природе не существовало почти четверть века, – отчёт Богданова!

Это была ксерокопия второго машинописного экземпляра, который сгорел в костре на острове. И нам с Латалиным даже не пришла в голову простенькая мысль: а где же первый экземпляр? В закладку обычно помещалось пять листов, пятый экземпляр нечитабельный. Так где же был первый? Господи, да как же мы были глупы в девяносто втором году! Мы были глупы даже не по уши, а абсолютно! На фоне утонувшей в глупости страны мы жили, как идиоты, наивные и доверчивые! Ну да, Павел догадался и сказал нам, но мы-то, мы, почему думать не стали?

Завершив чаепитие, я отнёс папку в кабинет и спрятал её в стол. Сердце стучало сильно, толчки отдавались в плечо каким-то покалыванием. Хотелось вздохнуть полной грудью, но что-то удерживало, и дышал я неглубоко, через нос, шумно и резко выдыхая. Было жарко лицу. Я накинул дублёнку и отправился на балкон.

Во дворе замерла тишина. Серый снег, тонкие чёрные кусты. Я позвонил по мобильнику Попову. Ответила жена:

– Как виновник торжества?

– Полночи колобродил. Слава, он ВАКа очень боится! Тебя вспоминал. Аксёнов, говорил, такой занятой, что даже на банкет к нему аспиранты ходят.

– Да просто статью инженер принёс. Не сидится. А что тут ВАК? Главное-то Лёня сделал. Он у тебя молодец, передавай привет, когда проснётся!

Я потёр лицо снегом, вернулся в тепло кухни и стал думать. Думать мне было можно, а говорить нельзя!

А ещё была бумага!

Я мигом вернулся на балкон за стремянкой, затащил её в коридор и приставил к антресолям. Там в самом дальнем углу стояла древняя картонная коробка из-под немецкого сливочного масла. В ней хранились преподавательские дневники, рефераты студентов, папки с чертежами, черновики диссертаций и прочая приятная макулатура.

Возле батареи грелась Рената, внимательно наблюдала.

– И в моём архиве кое-что имеется! – сообщил я ей. – Пустячок, но есть!

Хотя страх сжимал сердце, я старался бодриться и хорохориться, как будто речь шла о давней интрижке, а не о том, что мы там натворили.

2

Нужная бумага лежала в старом ежедневнике. Я листал его, злился, выхватывал взглядом нелепые сейчас записи: «Каждый день кафедры у меня консультация в 14.00», «Зубной. Фотоплёнка. Петрушина», «Заказать прибор», «10.00 у пам. Ленину Яросл. вкз.». Что за Петрушина? Какая-нибудь дура-двоечница... Что за прибор?

Это оказались два листка, вырванные из блокнота.

На Ползуновском острове отчёт Богданова представлял собой хронику событий, мы с Латалиным читали его не отрываясь. А рукописное разъяснение на двух страницах, сложенных пополам, лежало между страницами отчёта. Аккуратный почерк, чётко выделенные абзацы – такими текстами любят. Так и называлось – «Разъяснение». На Виноградова и Латалина оно впечатления не произвело. А я его прочёл дважды и вечером, по памяти, сидя на низком обрыве острова со стороны Волги, записал кое-что в блокнот. Писал подряд, моё изложение и слова Богданова теперь не отличить. Сидя на полу, возле молчаливой Ренаты, я читал ей вслух:

Не будучи до конца уверенным в правоте своего поступка, я тем не менее его совершаю. Разумеется, Б. ездил в Гремячево между делом и получал удовольствие.

Всё расшифровал. Всё определил.

Подлое время.

Конец войны Б. встретил под Прагой. Полк расформировали, солдат отправили эшелонном домой. Офицеров на грузовиках отвезли в Южную Польшу, в лагерь для советских военнопленных. Из пленных составили полк, и офицеры повели его в Союз пешим ходом.

Б. получил взвод, 40 чел. Орава. Б. – график движения, маршрут, приём пищи, ночлег. Командовала группа пленных во главе с бывшим подполковником. Толстыми палками они били пленных прямо по головам, другого языка те не понимали.

На хуторе у поляка пили самогон. Хутор богатый. Мне вишестко едно, кому налог платить, чи Сталину, чи Гитлеру.

Б. развезло. Заснул на скамейке. Разбудил пленный и сказал, что его хотят убить. Запомни, лейтенант. Пригодится. Несколько раз повторил, где и как лежит клад.

Безумные глаза.

Утром переключка. Умер во сне. Похоронная команда. Записал на обороте фотографии, которую сделал в Берлине, в районе замка Шпандау. Хранил.

В 70-е у всех было хобби.

Сомневался. Тайна многослойная, опасная.

Готовы ли вы их пережить?

В разъяснении Богданова была безразличная правда, я верил. Пленные как орава меня тогда поразили, откровения польского хуторянина – не очень. Первая фраза «Не будучи до конца уверенным в правоте своего поступка, я тем не менее его совершаю» просто понравилась. Я записал её дословно, но сейчас, вчитываясь в предложение многолетней давности, чувствовал, что за ним есть что-то ещё, очень тревожное. Тревога была связана и с последней строкой: «Готовы ли вы их пережить?» Кого – их? Богданов был аккуратным человеком, начала и концы у него сходились всегда.

Укладывая обратно вещи, я хотел только одного – обсудить, обговорить с кем-нибудь свалившийся на голову отчёт. Очень хотел, неистово! А ни с кем, вот оно в чём дело, ни с кем! Пустота кругом. Вакуум!

Откуда у Зенкова отчёт Богданова? Простой чернявый парень в свитере... Как он меня нашёл? Зачем разыграл спектакль? Как понимать представление «инженер»?

В курсе событий только двое – я и Латалин. С памятного июльского утра девяносто второго года, когда мы расстались на Казанском вокзале, Латалина я не видел. Он, по слухам, занялся торговлей автомобилями, ото всех отдалился – где он сейчас, неизвестно. В старой телефонной книжке старый номер телефона в квартире, где он давно не живёт.

Неделю обмирать от ужаса: как ловко купил меня Зенков. «Вячеслав Петрович, вы в этой области ведущий специалист!» И я, самодовольный павлин, растаял. Это, конечно, не рядового ума инженер. Если инженер.

И опять я стоял на балконе, а в голове роились вопросы. Он кто? Журналист? Нашёл компромат и – бегом продать его владельцу? Или это следователь? Следователь-интеллектуал. Или наоборот – следователь-колун. У таких ребят приёмы топорные против докторов наук, с глупой простотой принимающих лесть за искренность, безотказные.

Что ему надо? Денег? Наверное...

Вокруг высились серые многоэтажки. В них живут люди, и у каждого свой мир как бесконечный космос. Каждый чего-то хочет, добивается, а то и мечтает, а о чём – не скажет...

Слава богу, из школы вернулась Оленька, довольная, розовощёкая, сразу пошла гулять с Ренатой, ну и я отправился в лабораторию.

А руководить лабораторией – это такое занятие, за которым всё забываешь. Их семнадцать человек, и все как дети малые – каково?

3

Вечером я гулял с собакой. Рената радостно бегала по сиреневому от фонарей снегу. Завтра суббота, выходной день, и жена с Оленькой едут на экскурсию в Гороховец и Вязники. Едут на два дня, это хорошо, я смогу расслабиться, забыться и тогда...

Заверещавший мобильник я достал нехотя, и голос Ирины поначалу слушал невнимательно.

– ...какой-то Зенков. Он через двадцать минут перезвонит. Говорит, что важно. Слава, это кто?

– Да чудак один, – я быстро нашёлся, – из СКВ «Газстроймашина». Они заявку готовят с моим участием. Сейчас подойду.

Убрав мобильник в карман, я потёр снегом ставшее горячим лицо и нервно позвал:

– Рена-ата-а! Ко мне!

Я вернулся и, радостной улыбкой скрывая от Ирины страх, проследовал в кабинет. Сел за стол. Неделя впереди была бы прекрасным, чудесным временем – любопытное совещание, на котором можно закинуть удочку об участии лаборатории в новой программе, две статьи

в работе, коллеги, консультации, встречи, люди. Можно было бы махнуть за город – очень хотелось почему-то в Абрамцево: как-то хорошо там, спокойно...

Зенков позвонил, как и обещал.

– Да, – твёрдо ответил я.

– Здравствуйте. Мне бы Вячеслава Петровича.

– У телефона.

– Вы посмотрели статью?

– М-да.

– Нам необходимо встретиться.

– Зачем? – Я усмехнулся и обрадовался вдруг пришедшему решению. – В печать она не пойдёт. Тема неактуальна, материал устарел, и если у вас ко мне ничего нет...

– Вы до конца прочли текст? – Зенков удивился. – Вы перевернули последнюю страницу? Там есть дополнение Виноградова. – Он сделал паузу и продолжил: – Если дать ему ход, то всё, что у вас есть, всё, Вячеслав Петрович, чем вы живёте, будет сломано. Семья, работа, привычный круг. Благополучие, которое вы так старательно создавали. Вы понимаете меня? И я это сделаю не моргнув глазом.

Я хотел что-то сказать, но неожиданно сглотнул и зажал микрофон ладонью. И тут же спохватился, поняв, что пугаться надо не этого, а того, о чём говорит Зенков.

– Но мне не нужна вашей крови, мне нужно другое, – внятно продолжил Зенков. – Вы посмотрите, я через полчаса перезвоню.

С каким-то посторонним стуком он повесил трубку.

– Он вовремя позвонил, – сообразил я, – он умеет выбрать момент.

...Последний лист отчёта Богданова я открыл сразу, перевернув пачку листов. На его обороте оказалась бледная ксерокопия текста, написанного от руки, по-видимому, карандашом.

Внимание!

По данному отчёту подготовлена экспедиционная группа в составе: Виноградов Павел Сергеевич, Аксёнов Вячеслав Петрович, Латалин Виктор Сергеевич. Стоянка намечена на Полуновских островах под правым берегом Волги, против города Гремячево, возле подводного перехода газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород». Работы намечены на горном берегу Волги, рядом с оврагом Долгая Грива. Цель – поиск и выемка клада. Время – июль 1992 года.

Ниже, под подписью Виноградова, именно Виноградова, – она напоминала наклонный штакетник, и над ней посмеивались – стояла дата: 23.06.1992.

У меня остро закололо в висках, а потом в затылке.

Что-то Павел предчувствовал и, несмотря на то что договорились молчать о поездке, зафиксировал её факт на бумаге. И где-то спрятал. Близким тогда говорили о командировках. Латалин, помнится, «ехал» в Уфу, Виноградов в Тулу, а я в Тюмень. А какие тогда командировки? Кто работал в девяносто втором году в городе Москве? Никто. Хочешь за свой счёт отпуск – пожалуйста, не хочешь, так всем отделом уходите на месяц. Или на три. Без сохранения содержания. Вот и искали, должно быть, потом Виноградова в Туле.

А он копию отчёта со своей припиской так запрятал, что его тогда не нашли. Если бы нашли, то наступила бы у меня другая жизнь. Не та, не та, что, к счастью, наступила, а совсем уже другая...

А Зенков нашёл.

И он чего-то хочет. Голос у него спокойный, дыхание ровное, всё продумано. Крови не хочет, хотя к этому готов.

4

Оленька сидела на кухне со словарём Даля на столе. Ирина заняла ванную – будет прогреваться и читать.

– Папа, а ты знаешь, как свиней подзывают?

– Откуда? Я же был городской мальчик. Хрюхрю?

– Ой! – Дочь рассмеялась. – Это они сами так хрюкают! А зовут их так: пацю-пацю, дету-дету, потом – вся-вся, чух-чух!

– Сила! А «пьяндылку» нашла?

– Нет, – огорчилась Оленька.

– Тогда найди слово «профессор». Потому что я хотя и не профессор, но соображаю так же плохо. Такой же тупой. И шутки у меня тупые.

– Это в другом томе...

Оленька нахмурила брови и ушла, а я сообразил, что была тьма, за двадцать пять лет она только усилилась, но явился Зенков и вонзил во тьму состояние, противное тьме. Зачем всё это?

Выйдя на балкон, я закурил, пуская дым по ветру. Я часто смотрел на часы, стыдясь этого, а время шло своим чередом, безразличное и бесконечное.

Вся-вся, чух-чух!

Телефон зазвонил через сорок минут, а я уже десять минут как ждал, сидя за столом. Просто сидел и ждал! Бесстрастным голосом Зенков произнёс:

– Вы посмотрели статью?

– Да, – твёрдо ответил я.

– Поясняю, – тихо сказал Зенков. – Есть материалы дела девяносто второго – девяносто третьего годов. Есть копия отчёта Богданова. Есть собственноручная приписка Виноградова, пропавшего без вести в результате вашей экспедиции, есть участник экспедиции Аксёнов. По вновь открывшимся обстоятельствам возобновляется следствие. Проводятся следственные действия, допросы, эксперименты, направленные на выяснение простого вопроса: где Виноградов? Будет огласка. Возможно, получите срок. Но главное даже не срок, а то, кем вы тогда станете. Во что превратитесь. И как будете жить. Сумеете ли? Вы готовы встретиться?

– Да.

– В понедельник, в двенадцать часов у платформы Вешняки, на выходе из подземного перехода. Со стороны церкви.

– Да.

– Мы медленно пойдём в Кусковский парк и там всё обговорим.

На минуту замолчав, Зенков вдруг добавил:

– Нельзя от совести прятаться, Вячеслав Петрович, наоборот – необходимо идти ей навстречу, думать о ней, мучиться, искать совести, потому что все человеческие решения диктуются совестью. И решения эти верны, вот в чём дело!

– Что-что?..

– До встречи.

И Зенков исчез.

Я ошеломленно вышел на балкон, где полчаса назад курил сигарету и пытался найти логичное объяснение происходящему. А теперь всё, о чём я думал, может выплыть наружу, и тогда... Как он прав, должно быть, насчёт совести... Но я пока чувствовал только страх.

Вернувшись в кабинет, я включил ноутбук, чтобы прояснить детали.

Действительно, по соответствующей статье Уголовно-процессуального кодекса возможно возобновление дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Эти обстоятельства и откроет

Зенков. И что? Будет следствие и суд. Срок давности в современном законодательстве за преступление – пятнадцать лет. Это если суд сочтёт возможным. А если не сочтёт? Тут не в суде, конечно, дело, а в том, что суд скажет про тогдашние события! И он скажет громко, открыто. Я о них уже забыл, но все узнают! Все будут знать про меня всё, в том числе и то, что я сотворил в июле тысяча девятьсот девяносто второго года. Пусть не один, да, но сотворил. Есть ли оправдания? Есть, но они никому не нужны. Ведь сотворил? И действительно, кем я тогда стану? И навсегда!

Не хочу! А как быть?

Продержаться для начала до завтра. Сегодня ни Ирина, ни Оленька не должны ни о чём догадаться! Я весел, влюблён в свою жену, люблю свою дочь, они отправляются в путешествие, а я заботлив и даже занудлив, но это правильно, потому что от любви. Это всё правда, и это моё спасение на сегодня!

Вот уже завтра меня от памяти ничто не спасёт! А чтобы всё вспомнить, придётся самому отправиться в путешествие. Туда, в забытые времена. Я буду пить – да, это будет пьяное путешествие. Именно пьяное, потому что трезвый я не выдержу: два дня впереди.

Или сойду с ума.

5

...Всё получилось так, как и было задумано. Я собрал и проводил Ирину с Оленькой до метро. Вчерашний морозец ушёл, близилась оттепель, пахло влажным снегом. Ирина что-то чувствовала, но я поводов не давал, держался бодро и нарочито завидовал.

Тупое довольство явилось, и я неспешно закупил в магазине продукты, которые посчитал к коньяку подходящими: сосиски, макароны, лимон, сыр, масло. Хлеб. Пару пачек печенья. Ломоть ветчины. Приготовил и к понедельнику всё: одежда, сумка, нужные бумаги для визита в лабораторию.

Вернувшись, я не стал сразу пить, а погулял с Ренатой. Мне нравилось готовиться, поэтому, вернувшись, я подмёл в квартире полы и сделал влажную уборку. Пока я это делал, сварились сосиски и большая кастрюля макарон.

Ещё позвонил вдруг Попов, пожаловался на то, что тонет в бумагах. Я велел ему идти с женой кататься на лыжах. Или просто подышать воздухом. Или ехать в Абрамцево.

Пить я решил в кабинете. Там висели плотные шторы – чтобы не замечать времени суток. В тумбочке выстроились бутылки с коньяком – коллекция подарков. Имелась рюмка стеклянная, на тридцать граммов, с золотым ободком по краю.

Я приготовил закуску на тарелочках – ветчину и сыр. На одно маленькое блюдечко насыпал сахарный песок, на другом уложил тонко порезанный лимон. Нарезал хлеб. Всё это расположил на письменном столе, постелив предварительно разовую скатерть в виде нескольких слоёв старых газет. Пахло приятно. Кастрюли с макаронами и сосисками стояли на полу. Подождал, когда наконец Ирина позвонит и доложит, что всё в порядке, из Москвы выехали, автобус хороший, стёкла прозрачные, публика приличная, экскурсовод – приятная дама, а Оленька передаёт привет.

Вот тогда, пожелав им счастливого пути, удачи, хорошей погоды, я и начал пить!

Я пил коньяк, проклинал Зенкова, любил жену и дочь, жалел молодые годы, вспоминал забытые мелодии и сам пел песни, гулял с Ренатой, весело раскланивался с соседями, отдыхал на диване, ходил в приятный душ, умно о чём-то рассуждал, радовался, что жить мне осталось хотя и меньше, чем я уже прожил, но ещё долго, и в эти годы уместится много интересного, – и так я погружался вниз, в мрачный многоэтажный подземный лабиринт под тяжёлым кубическим зданием на Семёновской площади. Я ел руками из кастрюли макароны, отвечал на радостные звонки Ирины, спал, попыхивал ароматной сигареткой на балконе, бормотал стихи

и рюмочку за рюмочкой пил тёплый коньяк, закусывая когда лимоном, когда сыром, а когда и толстеньким кусочком ветчины. И почему-то становилось светлее на душе, вспомнились забытые звуки, открылись просторы, и я будто уже пересыпал горячий волжский песок в руках или брёл по илистой тёплой отмели... Оживали знакомые лица, и, наконец, услышал я запахи: воды, пыли, иного времени жизни. И вот – стал я на четверть века моложе: уверенный, наивный, совсем не ведающий того, что меня ждёт впереди...

Глава 4

Тающие острова

1

Мы собирались рыбачить и ехали в Казань скорым поездом «Татарстан». В купе ловко разложили вещи, снасти и сумку с лодкой. Брели минимум, но тяжести хватало. Ещё Павел принёс длинный свёрток – на ощупь в нём пряталось что-то похожее на сиденья. Мы удивились, но помалкивали: он руководил, и никто с этим не спорил.

Достопамятное лето девяносто второго года... Приятное тепло установилось в Москве, и в каждом из нас поселилось радостное ощущение приключения. А от приключений мы отвыкли: Латалин работал в КБ, тосковал, да так, что его белые кудри поникли. Виноградов мечтал о дирижаблях, но занимался трубогибочными аппаратами, а я в своём вузе никак не мог понять, почему преподаватель – это никто. Вперёд, вперёд – так отстукивали колёса километры железной дороги, и ночь длинно растянулась по земле, и что-то важное, замечательное ожидало нас. Постельное бельё с запахом чистоты, чай в фаянсовых чашках, лёгкие занавески – мы мчались на восток, на Волгу!

Четвёртой в купе оказалась чудная дама лет тридцати. Русоволосая, круглолицая, глаза-стая, в голубом платье. Она была одновременно вытянутой вверх и вся в округлостях. Звали её Лида, и она ехала в Казань на встречу с возлюбленным!

– Мой Харламов готовится к шабашке, а пока сидит в Казани, – сообщила она. – Позавчера он мне звонил. Мы встречаемся с ним на конспиративной квартире на улице Баумана.

У неё оказалось множество свёрточков и баночек: с разными вареньями, смородиновым желе, с тёртыми грецкими орехами, перемешанными с мёдом, с цукатами, щербетом, и она нас потчевала! Мы пробовали и восхищались. Лида сияла!

– Вы знаете, – сообщила она, – мой Харламов в армии служил! Представляете – он стоял в карауле! Виктор, вот вы, вы стояли в карауле?

– Н-нет, – ошарашенно удивлялся Латалин, хмурил белые брови и смущённо кричал своим фирменным смешком. – Хе!

– А Харламов стоял! Он связистом был! Связь – это глаза и нервы армии! А на учениях радиостанцию утопил, и с него потом по десять рублей в месяц вычитали! Представляете?

Своими округлостями и милым щебетаньем Лида заполнила купе полностью.

– А вы курите? Я хочу закурить.

– Курит у нас вот... – показал Павел. – Вячеслав Петрович. Да и то – в строго отведённом для этого месте.

– А я весной была во Франции, в круизе по замкам Луары: Блуа, Бежанси... Французы галантные: только достанешь сигарету – сразу несколько зажигалок. – Лида надула губки и исподлобья посмотрела на Павла.

– Лида, кто ж тебя с Луары-то да сюда?

– Харламов...

Она вздохнула, погрузилась и задумалась.

– Ну, Лидочка, пойдём, – пригласил я, и мы отправились в прохладный чистый тамбур.

Лида встала к двери, закурила и заговорила:

– Замки потрясающие! Французы самодовольные, а сами лягушек едят. Вернулись домой, появляется Харламов! Ничего не боится! Он же волосатый, представляете? У него

рубашка на плечах не лежит, на волосах поднимается! Он пригласил меня в ресторан, красиво ухаживал, накормил, и я почувствовала себя женщиной. А вы где собираетесь рыбу ловить?

– Где-то в Гремячево.

– Гремячево? Не знаю. А в Волге водятся лещи. Когда их завялить, мужики с ними пьют пиво. Точно? А сомы в Волге водятся?

– Водятся.

– А сазаны? Сазаны бывают большие.

– Это, Лида, как повезёт.

– Ну да, рыбная ловля – дело тёмное. А вы на что будете ловить?

– На хлеб и на горох. Мочёный.

Лида посмотрела на меня искоса и сощурила глаза.

– Положено так, на горох, – пояснил я.

– Ну да – на фасоль, на бобы, – она прелестно рассмеялась, – на морковку! А я верю...

И спали безмятежно, и день солнечный ждал в Казани – превосходно всё начиналось!

Лида повесила через плечо большую сумку и отправилась на конспиративную квартиру на улице Баумана. А мы доехали на трамвае до речного вокзала, часа полтора прождали в сквере и лёгким «Метеором» ушли вверх по Волге. Оставив в салоне вещи, мы более часа простояли на палубе, любуясь берегами. Я и не знал, что Волга такая роскошная река!

Поспели мы ко времени – через полчаса после прибытия на гремячевский дебаркадер к берегу подошёл катер переправы на Ширван. Мы уже осмотрелись, нашли на берегу бревно, взяли с собой. «Сидеть на нём будем!» – сказал Павел. Через четверть часа пути он попросил капитана высадить нас не у Ширвана, а дальше, на конусе выноса оврага Долгая Грива – всё равно он шёл по воложке в Покровское. Удивились мы с Виктором такому знанию местности, да значения не придали. И капитан удивлялся – остановочный пункт на правом берегу назывался Ползуново, а не Ширван.

Конусом выноса Павел назвал плоскую треугольную площадку под горой. Как раз там, где её пересекала щель оврага. Площадка густо заросла кустами и деревцами. Посредине протекал ручеёк с вкусной водой. Там мы затеяли костерок, заварили чай и пили его, сидя на бревне и глядя на погружающиеся в тень от громадного берега пышные зелёные острова.

Дальше просто: надули лодку, переправились на остров, установили палатку, очаг организовали. Устроились.

А вот когда, побив комаров в палатке, мы легли спать, Павел и сказал, что приехали мы сюда по виду рыбачить, но будем ловить рыбу только для прикрытия. А на самом деле мы приехали для того, чтобы определить местоположение клада, который закопан наверху, на горе.

– Мы найдём клад, – сказал Павел, – выкопаем его и вернёмся в Москву.

Виктор задумчиво спросил:

– А эти... сиденья в большом свёртке имеют отношение к кладу?

– Это не сиденья, а антенны радиолокатора. Спокойной ночи, малыши.

2

Остров выходил к Волге низким песчаным обрывом, заросшим ивняком, и плавно тянулся метров на триста. Наклонная от Волги его поверхность кое-как была укрыта ивовыми кустами. У приверха, там, где Павел распорядился ставить палатку, росло несколько тонких берёз. Собственно говоря, это был уже не приверх, а начало острова, ровно обрезанного во время работ по прокладке газопровода. Вдоль неширокого и мелкого пролива, который мы вчера легко перешли вброд, обрыв продолжался по второму, ближнему к горному берегу острову. Этот остров оказался короче, но в середине был выше, с берёзовой рощицей на бугре. Дальше была широкая воложка.

Надо всем нависал огромный горный склон Волги – от воды до самого верха в диких зарослях пышных кустов и деревьев.

Мы медленно пили чай у костра и ели лещей, которых с утра наловил Павел. Он сидел на бревне, спиной к Волге, лицом к горам, и задумчиво их разглядывал. Лицо круглое, кепка круглая, глаза круглые, серьёзные, а нос острый. Герой...

У противоположного, гремячевского берега с далеко разносившимся по воде грохотом устанавливалась баржа с щебнем. Буксир входил в затон. Снизу шёл сухогруз.

Я вздохнул и сказал:

– Витя, а давай мы Паше накостыляем?

– Горяч ты больно, – ответил Павел, – но я понял, что вы созрели.

Он отпил чаю, облизнул губы и сказал:

– Клад есть. Вон там.

И он свободной рукой показал на горы.

– Площадка, на которой он зарыт, известна, точное положение придётся определять. Что в кладе, я не знаю, – продолжил Павел. – Но мы в течение недели его достанем. Всё готово. Ну, мелочь осталась. Лопату насадить. Кайлу. Трудностей нет, кроме тех, которые на нас свалятся.

– Не понял! – запоздало встрял Виктор.

– Здесь коридор газопровода, – вздохнул Павел и испытующе оглядел нас, – есть смотритель. Они рыбаков не любят. При этом, чтобы не врать, придётся рыбу ловить по-настоящему. Копать будем в посадках, на горах. Там хозяин – лесник. Дальше пашня. Там бывает кто-то из совхоза. И на газопровод может заявиться проверка. Вы успеваете просекаать ситуацию?

Волга, сцена у костра. Павел ставил спектакль. Я просекал.

– Поэтому: Виктор! Слава! Малейшая оплошность – и мы пропали.

– Ты брось страху нагонять! – сказал Виктор и пригладил волосы. – Хе! Мы же всё понимаем!

– Ничего вы не понимаете!

– Пошёл ты к чёрту! – не выдержал я. – Откуда ты знаешь про пашню? Мы там не были! Почему ты назвал Ползуново Ширваном?

– Почему?! Нас сверху как на ладони видно! И пусть, потому что мы рыбаки! Строжайшая маскировка! Мы...

– Командуй, – сказал я.

– Делать вот что. Сейчас, Слава, ты меня переправишь на конус выноса. Я поднимусь наверх и осмотрюсь. Заберёшь меня через... три часа. К тому времени у вас будет другое настроение.

Обойдя ближний остров на лодке, я причалил у верхнего основания треугольной площадки, возле древней ветлы. Здесь Павел дал мне инструкцию:

– Наберёшь воды из ручья, вернёшься. Заглянешь в палатку. В моей телогрейке лежит отчёт. Внимательнейшим образом, Слава, вы с Виктором прочтёте то, что там написано. Подготовите вопросы. Ты меня понял?

И он напрямик отправился в густые кусты, исчез, но через мгновение я увидел его на гребне, образованном оврагом и волжским склоном. Паша размеренно поднимался и скоро скрылся за молодыми сосенками.

А я по ручью прошёл в овраг и опешил: его склоны раздвигались и высоко уходили в стороны. Впереди, за татарником, ивами и берёзками открылось огромное, как будто скалистое ущелье. Крутой склон слева от меня был в тени, а справа сиял пыльной белизной. По склону ступенями застыл грунт, на ступенях росли берёзки. Такого я и представить не мог!

Затерянный мир.

3

Отчёт мы с Виктором прочли дважды. Не верилось, но разорвать логическую цепь исследований не получалось. Хотя все её звенья были двусмысленные.

Потом смотрели «Разъяснение». Я его усваивал, а Виктору показалось неинтересным читать про сорок пятый год и советских пленных, которых лейтенант Богданов вёл в Советский Союз через Южную Польшу. Он пробежал листки глазами и отправился купаться.

– Всё, Слава, – сказал мокрый Виктор, когда вернулся с Волги. – Не отвертеться. Хе! Будем искать клад.

– Будем, – согласился я, – а если найдём?

– Поделим.

– А государство?

– Со второго января девяносто второго года, Слава, о государстве не думай. Цены отпущены.

– Как скажешь... А что такое кау-гау?

– Хе. – Виктор впустил волосы и посмотрел на горы.

Потом он отправился на волжский берег кидать блесну, а я – за Павлом.

На конусе выноса Павел сидел под толстой ветлой, подложив под себя кеды. Рядом, на щебне, сушились стельки и носки. Вытянув ноги, он грел толстые ступни у маленького костерка. Глаза прятались под козырьком кепки. С тонкого соснового ствола он неторопливо, длинными полосками снимал кору. Черенок строгал. Рядом лежал уже оструганный. Ну да – для лопаты и кайлы.

– Паша, отчёт изучен. Вопросы потом, а сейчас я тоже хочу наверх подняться.

– Созрел? Ну, посмотри, – разрешил Павел. – Только на газопроводе люди. Меня не видели.

Вдоль ручья я вышел к тропе и стал взбираться вверх. С деревьев и кустов сыпались козявки, букашки, жучки, вдруг ужалил кто-то в плечо, оказалось – муравей. Я взмок, когда выбрался наверх. А когда оглянулся, то у меня и колени задрожали. Неподальёку от толстой разлапистой сосны я сел на край волжского склона, круто уходящего вниз, в густой лес. Такого я раньше не видел!

Сидя на тёплой земле, я видел великую реку! Она являлась слева, из мутного горизонта и, плавно поворачивая, открывалась передо мной. Правый, нагорный берег отделялся от главного русла воложкой и длинными, наползающими друг на друга курчавыми островами. Левый, дальний, непрерывной узкой косой тянулся до места почти напротив меня так, что мы были на одной линии: гремячевский дебаркадер, оконечность косы и я. За косой виднелась открытая вода с крохотными судёнышками на ней – это и был Гремячевский затон. И уже по самому берегу тянулся до дебаркадера город Гремячево.

Посредине плыла Волга. Серовато-синяя, огромная, тяжёлая. По ней шел сияющий белизной маленький «Метеор».

Это было видно, если смотреть налево, вверх по течению Волги. А внизу, километрах в двух-трёх от оконечности косы, вновь являлись у левого берега острова. Толстыми изумрудными лепёшками они как бы ползли вниз и сливались в огромный остров от одного края Волги до другого. А с другого края был громадный уступ, за которым, как я понял, располагалось Кривоносово. На уступе сверкала металлической паутиной мачта ЛЭП, провода тонкими ниточками спускались к Волге и вновь поднимались к такой же мачте на левом берегу.

Вся эта округа от пристального взгляда парила и поднималась в небо.

И наш остров я видел как на ладони: палатка, чёрточка бревна, чёрная точка костровища. Виктора я заметил на хвостье, на самой границе кустов и белого песка, – он блеснул.

На коридоре газопровода, аккуратно выглянув из-за деревьев, я увидел метрах в ста от себя группу людей. Они о чём-то говорили и размахивали руками. Поодаль стояла оранжевая вахтовка.

Пришлось пробираться кустами ближе и занимать скрытую позицию у опушки. Брезентовая куртка хорошо маскировала. Оттуда их было хорошо слышно, хотя ветер иногда относил слова в сторону.

Чернявый в галстук кричал. При этом он размахивал руками.

– Как могла труба поменять плановое положение? Уползла? Я гарантирую! Дайте! Ваши фамилии будут на титульном листе!

«Сильно, – подумал я, – что это за контора?» Ему передали какие-то бумаги, он их посмотрел и заверещал:

– Вы что написали?! Существующие технические решения по стабилизации полосы отвода сведены в таблицу, из которой следует, что она может быть дополнена! Вы соображаете?

Я соображал. Что-то у них не так, им придётся здесь работать и мешать нам искать клад. Павел предупредил!

Мужики замахали руками. Вахтовка, рыкая, подъехала к ним. На дверце я увидел белый круг и в нём чёрную надпись – ВНИИСТ.

– Везите трубу! – требовал мужик в галстук. – Я гарантирую!

4

Виктор расшифровал ВНИИСТ как Всесоюзный научно-исследовательский институт по строительству магистральных трубопроводов. Мы отдыхали у костровища после того, как двумя рейсами переправили на остров кучу хвороста. В голове у меня прояснилось. Осталось лишь организовать грамотный поиск и аккуратную выемку клада. Зная, что Павел не ответит, я всё равно спросил:

– Что такое кау-гау?

– Не знаю, – вздохнул Павел, круглое его лицо помрачнело, и он задумчиво пропел себе под нос: – Ля-ля, пом-пом...

– А теперь говори, хе, – сказал Виктор, – как к тебе попал отчёт Богданова.

– Правильно, – строго сказал Павел, – и ты созрел. Отчёт? Так вот, после смерти Богданова ко мне приходила какая-то женщина. Меня она не застала, а может, специально подгадала. Жена её встречала. Принесла чемоданчик с металлическими углами. С такими раньше мужики в баню ходили. Там были отчёт и радиолокатор, только без антенн. Чертёж был. Прочитали? В костёр!

На всякий случай мы подержали отчёт в руках, а потом Латалин его разодрал, сложил веером листы и бросил их в костёр.

«Даром преподаватели время со мною тратили, даром со мною мучился-а самый искусный маг!..» – донеслось с Волги. В Казань шёл красавец теплоход «Фёдор Гладков». Загорали в шезлонгах женщины. Дети бежали от кормы к носу.

Сияющие иллюминаторы трюмной палубы пускали зайчики по воде.

На завтра условились так. Павел и Виктор утром отправляются с радиолокатором на площадку и начинают её прочёсывать. Моя задача – ловить рыбу. Пойдут лещи – присолить. Второй рейс катер из Гремячево будет делать часа в два. До этого времени надо забрать Павла и Виктора, переправить на остров, накормить обедом. После обеда рыбу ловить Виктору, а мне идти подручным к Паше.

– Вы заметили, – спросил Павел, – что я выдаю вам сведения постепенно, согласно вашей готовности их воспринять?

– И что? – ответил Виктор.

- А то, что сейчас вы ознакомитесь с приложением!
Мы забыли. А он из рюкзака достал сложенный вчетверо лист бумаги и подал нам.
– Прочтите, а я полюбуюсь на Волгу.
Мы уселись на бревно и приступили к чтению.
– Эй! – крикнул Павел. – По прочтении – сжечь!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Методика проведения полевых работ на площадке оврага Долгая Грива.

1. Поиск производится маршрутной парой. Первым следует коллектор. Он передвигается на плоских антеннах-лыжах, одновременно расчищая проход между рядами деревьев от сучьев.

Оператор следует сзади на расстоянии не более 2,0 м, наблюдая за коллектором, положением лыж-антенн и проводов. Приёморегистратор располагается на груди оператора. Наушники во избежание их повреждения ветвями должны быть прикрыты головным убором.

2. Движение должно осуществляться поперечными галсами. При получении звукового сигнала необходимо уточнить место его максимальной интенсивности и отметить его.

3. Порядок земляных работ следующий:

- уложить по двум прилегающим сторонам раскопа брезент или полиэтиленовую плёнку. На них осуществлять складирование вынимаемого грунта;
- по окончании работ грунт аккуратно уложить в раскоп, уплотняя его. Засыпанный грунтом раскоп сверху прикрыть дёрном.

4. В зависимости от состояния лесопосадки в найденном месте тщательно её очистить либо замусорить.

5. Всё, найденное в раскопе, должно быть изъято.

6. Земляные работы проводить в тёмное время суток.

Перечитывать не стали. Белый лист почернел, разорвался пламенем и сгорел в костре. Виктор сказал:

– Занудно.

Вот так. Овраги. Латинская F. Кау-гау. Кайла. И в итоге много денег...

Когда Павел вернулся, наловили уклеек, закинули донки. Рассматривали лыжи-антенны, радиолокатор, поместившийся в литровом пакете из-под кефира, наушники. По очереди ползли над закопанной кайлой на лыжах-антеннах и слушали рёв в наушниках: с регулятором громкости Богданов возиться не стал.

– Паша, – спросил я. – Ты сам-то уверен, что мы приехали за кладом? Что мы делом занимаемся, а не чепухой?

– Пока всё совпадает, – вздохнул Павел, – завтра проверим.

– А что мы ищем-то? – продолжал удивляться Виктор и всё топорщил брови. – Хе! Что в кладе?

– Клад, – сказал Павел, раздражаясь, – это когда кто-то куда-то что-то наклал!

Он ушёл в одну сторону острова, Виктор – в другую, а я сел на берегу Волги и по памяти записал то, что запомнил из «Разъяснения» Богданова.

«На теплоходе музыка играет, а я опять стою на берегу-у!» – с весёлой песней мимо меня проследовал на Нижний Новгород теплоход «Валерий Чкалов». Он был освещён, на палубе стояли люди, я их приветствовал, и они мне дружно отвечали!

Вслед за лёгким запахом отработанного топлива, повисшим над прохладной водой, пришли от теплохода корабельные волны. Забуруниваясь, они накатывали на берег и возвращались назад, шурша лёгким песком.

Глава 5 Вперёд!

1

– Вставай, дежурный! Гы-ы! А-ам! Аксёнов, подъём!

Я открыл глаза и увидел раскрытую пасть, усеянную острыми, гнутыми зубами. За ней сияла счастьем небритая физиономия Виктора.

– Это щука! Она хрюкает... – заорал он и поднёс пасть мне к глазам. – Понял, как надо? Понял?

Из поставленных вечером шести донок две оказались пусты, одна исчезла, а на трёх сидели два судака и щука. Щука – понятно. Почему судаки? Виктор потребовал, чтобы щука считалась метровой длины. Мы согласились.

Рыбу я пожарил всю. И пока я это делал, пока хлопотал вокруг костра, заваривал чай, туман наконец поднялся, открыв Волгу.

Ни лодочки, ни костра, ни баржи – сладкая тишина и пустота установились на реке вниз и вверх на много километров. Давно пора явиться катеру от Гремячево на Ползуново, а он, было видно, стоял недвижно возле дебаркадера.

Я переправил ребят на конус выноса, набрал воды из ручья и вернулся. Потом отчалил от берега и встал на якорь метрах в двадцати, в том месте, которое Павел по-умному назвал свалом глубин. Здесь, как он считал, паслись толстые, жирные лещи.

Приготовив удочку, я насадил на крючок мочёную горошину, прикормку покидал по сторонам и застыл так, как и положено: чуть согнувшись и прикрыв козырьком мятой кепочки глаза.

Превосходно наблюдался гремячевский дебаркадер. Вот и катер наконец отчалил. Чем он мог помешать Виктору и Павлу? А тем, что встречать его, наверное, придёт лесник. Постоит в сторонке, оглядит прибывших: подозрительные есть? И пойдёт домой. А какой дорогой? Вдруг он пожелает осмотреть лесопосадки в районе оврага Долгая Грива? И обнаружит двух звероподобных двуногих существ: одно ползёт впереди с топором и на лыжах, другое, соединённое с первым проводом, ползёт позади.

– Кто такие? Почему здесь?

Я неплохо прикемарил, и лещ едва не утащил из моих сонных рук удочку. Он оказался толстым и аппетитным. Дремота прошла, я закинул удочку за вторым.

А по Волге сверху шёл «Метеор». Всё, тишина закончилась. Когда «Метеор» причалил к гремячевскому дебаркадеру, я вытащил второго. Часы показывали около девяти. Пассажиры в Гремячево рассаживались в салонах «Метеора». Я сосредотачивался на рыбной ловле, полагая, что третий лещ уже крутит хвостом под лодкой. Павел и Виктор ползали в посадках с радиолокатором. Каждый занимался своим, увлекательным делом. Солнце шло с востока на запад, а Волга текла в Каспийское море.

Всего я вытянул семь лещей. Ныла поясница, горело лицо, и покалывало в левый локоть. Но ещё хватало для того, чтобы в ответ на вопрос «Как улов?» небрежно махнуть рукой – там, мол, просаливается. А я, сойдя на берег, вытянул на спиннинг ещё и трёх окуней!

Я давно не был один. Мне нравилось.

На конус выноса ребята вышли рано и полуголые сидели у воды. Они взмокли от усердия и явно поругались.

Соломенные волосы Виктора от кепки слиплись в квадратный стожок, в морщинах на шее чернела грязь. И щетина на щеках потемнела. У Павла грязь застыла за ушами, там, где стекал пот. Он ободрал левую щёку и выглядел осунувшимся.

– Да, – вздохнул я, – это вам не на открытие ходить!

– Какое открытие? – недовольно спросил Павел и почесал затылок.

– Пивной бочки! – не преминул напомнить я и широко улыбнулся.

Паша укоризненно вздохнул, а Виктор зло сказал:

– Хе!

– Девочки, не ссорьтесь, – бодро ответил я.

– Ты зачем приплыл?

– Чтобы вас отвлечь и показать, что вы настоящие мужики! Искатели приключений и покорители недр! Корифеи радиолокации! Герои волжских горизонтов! Молодцы!

И я стал переправлять ребят на наш остров: кормить, улаживать, холить и лелеять. Ругаться нам было совсем не нужно.

2

После обеда лыжи-антенны на ногах таскал я.

Последний галс Павел с Виктором закончили у правого оврага – неглубокого, метра три-четыре, густо заросшего травой. С обеих сторон его стояли невысокие корявые дубки. Кое-где торчали кусты бузины. Солнышко грело, сверкали листочки, мелькали солнечные зайчики. Очарованный, я наслаждался.

– Значит так! – Павел чуть подумал и кратко доложил: – С Виктором мы сделали двадцать девять галсов. Наш будет тридцатый. Его длина примерно восемьдесят метров, поверхность относительно чистая. Идешь спокойно. Сучья, если мешают, рубишь топором. Лыжи переставляешь так, чтобы передняя метка задней лыжи всегда была впереди задней метки передней лыжи. Понял?

– Да.

– Молодец! Вот метки. – Павел показал зарубки на лыжах-антеннах. – Скорость перемещения я тебе задам. Главное – равномерность.

Я приладил лыжи к ногам, застегнул куртку, натянул на голову матерчатую полосатую кепку и взял топор. Павел осмотрел себя и сказал:

– Я готов! А ты?

– И я готов!

– Вперёд!

И я медленно пошёл вперёд.

Поначалу я шаркал бодро и что-то соображал. Я поделил двадцать девять галсов, округлив их до тридцати, на пять часов, которые Павел и Виктор в первой половине дня потратили на работу. Получилось шесть галсов в час, или один галс за десять минут. Я подумал, что это очень медленно. Затем я ободрал руку, получил веткой по губам, зло срубил её и стал думать иначе. А когда еле прополз сквозь тугие кусты, мысли мои приобрели иное направление. Тогда и показалась впереди ярко освещенная солнцем белая стенка левого оврага.

Перед тем как выйти из посадок, мы пригляделись – было спокойно. На лыжах я прошёл по высокой траве и завернул в следующий ряд. Павел сказал:

– Вперёд!

И я пошёл на тридцать первый галс. Когда мы закончили его, Павел, делая запись химическим карандашом на стволе дубка, сказал:

– Уже лучше. Первый галс мы прошли за четырнадцать минут. Сейчас уложились в одиннадцать. Дальше галсы будут укорачиваться и дойдут метров до шестидесяти – семидесяти. Вперёд!

И я пошёл вперёд, шаркая лыжами-антеннами по земле. От земли исходил древний исполинский дух. Это превратилось в затёртое клише, но хотел бы я взглянуть на горе-теоретика, надыхавшегося воздухом земли! То, что я к исходу второго галса взмок, было бедой невеликой. То, что я ободрался...

– Вперёд!

То, что я ободрался и о Викторовой царапине вспоминал с завистью, было ерундой. Я дышал!

Пахло живым, тёплым, земляным, запах казался вещественным, его можно было потрогать руками...

– Вперёд!

Потрогать рукой и ощутить нежный пуховый вкус пропитанного духом земли пространства. Пахло сухим и летучим. Неужели так легко может пахнуть дубовая кора? Или это запах дубовых листьев в застоявшемся знойном воздухе?

– Вперёд!

И в этой древней стихии дубового леса я то ли мокнул, то ли высыхал. Капли пота катились по затылку, и щекотно зудели сухие ноздри. На высохших тыльных сторонах ладоней появлялись царапины, и топорище, которое я крепко сжимал правой рукой, было сухим и тёплым. Торчали изогнутые ветви...

– Вперёд!

Причудливо изогнутые ветви норовили уцепиться за одежду, ткнуться в лоб, сорвать с головы кепку и больно прочертить царапину на коже. Я шурился и думал о том, что к вечеру стану похож на старого японца, спрятавшего свои глаза за узенькими щёлочками век.

– Радиорокация – хоросо! – буду вежливо говорить я. – Русский река Ворга хоросо! Рыбарессь выкусыно, спать паратка хоросо...

– Вперёд!

Хорошо было дремать в тёплой лодке – вокруг была вода, а наверху небо. В посадках воды не было, только пот пропитал насквозь рубаху и куртку, и я вспомнил злых Павла и Виктора на конусе выноса, их мокрые куртки, сохнувшие на солнце...

– Вперёд!

Сияла на солнце белая стенка оврага, которую я, отирая пот от глаз, видел через каждые два галса, и тени от бугорков становились раз от разу шире, длиннее и, наконец, стали пустыми и чёрными стрелками в белой глине. А то...

– Вперёд!

А то, что жгучая чернота стрел удлинялась и поднималась вверх, будто стрелка часов шла по циферблату обратно. От усталости...

– Вперёд!

От усталости я полз. Я, крепкий искатель сокровищ, едва появлялась возможность проявить слабость, проявлял её и медленно полз!

– Вперёд!

Полз и думал о том, что если Виктор, хотя он на полгода моложе меня, прополз двадцать девять галсов, то мне ли, ветерану Советской армии и соискателю учёной степени, бояться сучьев и запаха земли?

– Вперёд!

Я шагал, опьянённый и радостный, во всём слушаясь Павла. А он торопил меня и ругал беспощадно за то, что антенны плохо прижимались к земле, и сигнал уходил...

– Вперёд!

Уходил голубой цвет неба, и буро-зелёная листва исчезала, сзади меня погонял Павел, а я старался и чувствовал гордость от того, что сам Паша Виноградов поощрял иногда мои движения добрым словом...

– Вперёд!

Словом я дорожил и скользил по земле, сжав губы. Они пересыхали, и я ждал, когда закончится галс, и я возьму с земли брошенную моей предусмотрительной рукой бутылку из-под венгерского вермута. Бутылку, в которой ждала меня вкуснейшая вода...

– Вперёд!

Вкуснейшая вода из ручья была в бутылке, которую предусмотрительной рукой...

– Вперёд!

Левая рука у меня была свободна тогда, то есть на гремячевском берегу. Ею я и подобрал пустую литровую бутылку...

– Вперёд!

Бутылку из-под вермута Виктор пнул ногой, а я подобрал и отмыл...

– Вперёд!

Виктору на галсах почему-то хотелось есть, а мне хотелось пить...

– Вперёд!

Пить можно было лишь воду, бывшую в бутылке, лежавшей у конца чётного галса, и на чётном...

– Вперёд!

На чётном галсе Павел делал остановку и на уровне колена писал что-то карандашом на дереве, а я отвинчивал пробку и полоскал горло...

– Вперёд!

Горло пересыхало, поэтому много воды я не пил, давал глотнуть Павлу, он бросал бутылку к третьему дереву на следующий чётный галс и...

– Вперёд!

И я превратился в механизм, и мне это...

– Вперёд!

Это было здорово! Это!

– Вперёд!

Здорово, это ожидало в конце галса...

– Вперёд!

В конце галса...

– Вперёд!

Ожидало...

– Вперёд!..

3

Я замер, потому что обнаружил движение. Мы шли от левого, знойного оврага к правому, прохладному. Оставалось до границы дубков метров пятнадцать, впереди виднелся чистый проход между рядами. Это была собака.

Она легко подбежала и встала передо мной. Тёмно-рыжий ушастый гончак, крепкий, с умной мордой и сочувствующими глазами. Всю жизнь мечтал иметь собаку!

Это значило, что поблизости лесник. Или смотритель.

– Собака... – просипел я, покряхтел и продолжил уже нормально: – Собака-собака, повернись ко мне мудами, а от меня зубами!

Если это народная мудрость, то как она действует? С надеждой смотрел я в глаза псу. Гончак помедлил, а потом развернулся и убежал.

– Докончим галс, – сказал я стоявшему столбом Павлу.

Мы так и сделали. Уже у края посадок, снимая лыжи-антенны, я догадался: опять на коридоре газопроводов люди из ВНИИСТА. Они и притягивают к себе людей и собак!

– Сколько? – спросил я.

– Всего двадцать один.

Я устал, но всё же пошёл к вершине оврага, вполз в кусты и добрался до края коридора газопровода. Возле появившейся там огромной трубы стояли четверо. В том числе – смотритель или лесник. Возле его ног застыл рыжий пёс. Мужик в галстук что-то объяснял и показывал на приближавшуюся бежевую «Ниву». Она-то откуда?

Бесшумно перейдя через овраг, мы выбрались к разлапистой сосне. На мокрую одежду налипла тонкая пыль.

– На солнце пыльный брезент очень красив, – сказал Павел, похлопывая себя по рукавам.

Я согласился, и по тропе мы спустились на конус выноса.

Здесь царил прохлада, которой мы наслаждались полчаса.

4

А на острове песок раскалился, и, если бы не Волга, не тень от гор, можно было бы испечься. Отчаянно хотелось чаю, и я наконец занялся тем, чем и должен был заняться, – костром.

Сверху по Волге шёл теплоход, резал носом воду, торопился в Казань. «И чайки за кормой, – доносилось оттуда, – сиянье синих гла-а-аз! Ах, белый теплоход!..»

– Странное у него название, – сказал Павел, – «Комарно». Почему?

– Это городок такой в Чехословакии, где теплоход построили, – объяснил я. – Комаров там много, вот и назвали место – Комарно. От комаров. Пришли, устроились жить, пригляделись – ну и комарно же тут, ребята!

Взгляд у Паши был отупевший от перенапряжения, отчего мне стало легко, потому что после галсов и встречи с собакой я и свою тупость ощущал вполне. Для завершения образа Павел ещё и затылок почесал, отчего козырёк его кепки съехал на нос.

И вот мы ложками помешивали в кружках чай, ждали, когда чуть остынет, и сами остывали. И ивы в ожидании вечера сладко шелестели серебристыми листочками. И ветви берёзы свисали длинными гирляндами. И комаров ещё не было. А Виктор, красный и виноватый, признался:

– Между прочим, когда вы сегодня ползали в дубках, на остров приплывал смотритель.

Оказывается, на остров на моторной лодке приезжал смотритель газопровода из Кривоногово. И Виктор выложил смотрителю, а фамилия его была Лукоянов, «всю правду», а именно: у нас вынужденный отпуск, мы приехали ловить рыбу, нас трое, двое пошли в горы посмотреть сверху на Волгу. Потом Виктор, вспомнив отчёт Богданова, соврал Лукоянову, что наш институт по договору с ВНИИСТом занимался разработкой дистанционного определения свойств грунтов для этого газопровода. Этой подробностью Виктор сразил Лукоянова наповал, они оба пустились в воспоминания о славных временах. Так мы легализовались.

– Смотритель из уважения к моим сединам, – Виктор пригладил растрёпанные белые волосы, – разрешил нам пробыть на острове до вторника следующей недели. Тогда на участок приедет начальство из Куйбышева и Москвы. А этот, кстати, о котором Слава рассказывал, у них высланный вперёд лакировщик – где присыпать, где подкрасить.

– Ну, Виктор, – сказал я, – ты достойно провёл переговоры, выражаю тебе своё удовольствие. На открытие можешь не ходить.

– Какое открытие?

– Пивной бочки!

Вечером была гроза, но прошла стороной, как раз над Отарами. У нас сил не было смотреть: мы спали.

Только я сначала лежал и думал. Я полагал, что на нашем пути к кладу появляется некое препятствие, которое мы вроде бы преодолеваем, но оно появляется снова. Оно есть! Кроме того, цель у нас получалась двойная. Я это осознал, как раз когда ребята уже уснули. Найти клад и – взять клад. А мы даже клада ещё не нашли. И что в итоге?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.